попросить. По этому соотношенію мы-

Толстой и Осборнъ.

Надъ бытіемъ безмолвно слово,
Дѣлать,—не слову,—жизнь поворна.
Но тѣмъ яснѣе Толстого
Стоитъ за немъ Осборна.

Пусть люди сговорятся между собою. Пусть каждый опомнится, одумается, перемѣнится внутренно, тогда измѣнятся и отношенія людей, измѣнятся и условія жизни. Все измѣнится, приблизится царство Божіе на землѣ.

Такъ говорилъ Толстой. И всѣ мы съ нимъ соглашались. Кто же могъ не согласиться? Не ясно ли, что если всѣ станутъ хорошими, то жизнь будетъ согласная и хорошая?

Голосъ Толстого звучалъ громко, на весь міръ. Люди слушали. И однако не измѣнялись. Ничто не измѣнялось. «Пустъ»—было вѣрнымъ, но пустымъ словомъ.

Отчего? Или тѣмъ зловреднымъ люди, и лгутъ, не хотятъ хорошаго? Тогда нечего и жалѣть ихъ. Сами виноваты, если несчастны. Нечего винить въ дурныхъ условіяхъ. Условія созданы ими же самими, дурными людьми, оттого и дурны. Ихъ безполезно измѣнять: сломаешь прежнія—создадутся новыя, совершенно такія же, или худнія. Нѣтъ, «пока люди не сговорятся между собою»...»

А что, если дѣло проще, и люди не *не хотятъ* измѣняться и соглашаться, *но не могутъ*? Если они вовсе не злорадны, а только не умѣютъ прыгать, рождены не прыгать,—а ходить, ногами, по землѣ? «Пусть измѣнятся»—требованіе чуда. Если не чудо—то надо знать пути, надо знать, *какъ* приступиться, съ чего начать. «Мы всѣ измѣнимся въ одно мгновенье ока»,—но это сказано о чудѣ Божьемъ. Не требуя

сносимаго Совѣта.

чуда отъ Бога, Толстой требуетъ чуда отъ человѣчества.—Пусть! Да будетъ!—говорятъ онъ.—Прыгайте въ царство истины и свободы!—Но люди не прыгаютъ. Чудо не совершается.

Смотрь о томъ, какъ происходитъ движеніе впередъ: посредствомъ перемѣны условій или же перемѣны человѣка,—похожъ на споръ, какъ мы ходимъ: лѣвой ногой или правой? Толстой, впрочемъ, вовсе не признаетъ лѣвой ноги (условій); да вѣдь онъ и процесса ходженія не признаетъ, только прыжокъ: чудеснымъ образомъ предлагаетъ перепрыгнуть черезъ всю исторію на правой ногѣ. И чуда нѣтъ. Никто не прыгаетъ. Не прыгнули даже одинокіе, вѣрные послѣдователи Толстого. Каждый изъ нихъ, подогнувъ лѣвую ногу, стоитъ. Не падаетъ—но и не идетъ никуда. Святость есть—чуда нѣтъ.

Требованіе чуда,—все равно отъ Бога или отъ людей,—дорога къ отчаянію. Вѣчно ждать и вѣрить, только ждать, стоять и вѣрать—нельзя. Сомнѣніе придетъ, даже къ святому. Да чего мы ждемъ? Да будетъ ли? Не сговорились люди, не сговариваются... Нѣтъ, никогда не измѣнится жизнь на землѣ! Люди не люди, а несчастные звѣри. Потому и несчастные навѣки, что навѣкъ звѣри.

Въ этомъ нельзя не видѣть: душа, сердце, мысль такъ устроены, что если бы всѣ обыкновенные люди до конца увѣровали вѣрой Толстого,—они кончили бы прозрѣніемъ и отчаяніемъ. Никогда ничего не будетъ! *Не можетъ* быть.

А это неправда. Будетъ; во всякомъ случаѣ *можетъ* быть. Люди (не одинокіе,—а въ коллективѣ) *могутъ* измѣниться. И жизнь ихъ можетъ стать выше, лучше, че-

ловѣчнѣй. Можно «сговориться»,—сговариваться.

Слова о «говорѣ—чухѣ» легко ведутъ къ отчаянію. Не дѣла говора, факты, даже частичные, маленькіе, но реальные, земные,—открываютъ надежду и совсѣмъ новую вѣру. Факты передъ словами всегда малы. Слова—огромны: они возлунны, имъ легко касаться отдаленнѣйшихъ звѣздъ; живой ростокъ ростетъ, трудясь; и если вырастетъ въ поларнина—переростетъ,—земной,—самыя высокія слова «о» земномъ.

Люди согласились, сговорились, измѣнились ихъ жизнь, измѣнились они сами... это случилось въ Америкѣ. Не во всей Америкѣ, а на маленькомъ кусочкѣ американской земли. Не много людей—всего около двухъ тысячъ. Будь это люди, подобранные заранѣе по какому-нибудь общему принципу, вокругъ одной общей идеи, или хоть соединившіеся сами по «offinité», вродѣ того, какъ складываются всевозможныя «общины», секты,—не о чемъ было бы и говорить. Не мало мы видѣли «общинъ», знаемъ и толстовскія, знаемъ, что они возникаютъ и падаютъ, и ничего не измѣняютъ. Нѣтъ, двѣ тысячи американцевъ, о которыхъ идетъ рѣчь, вовсе не выбирали и не искали другъ друга; и жили вмѣстѣ не по своей волѣ, а такъ, какъ живутъ люди—въ одномъ и томъ же мірѣ: многіе въ одной странѣ, въ одномъ городѣ, въ одной улицѣ, въ одномъ домѣ... Вѣдь по случайности рожденія, по милліону неизслѣдимыхъ причинъ, я живу вотъ тутъ, вижу вотъ этихъ прохожихъ, а не другихъ; родина моя—Россія, а не Португалія. На маленькомъ кусочкѣ американской земли жили вмѣстѣ двѣ тысячи людей такъ же мимовольно, полуслучайно, какъ милліоны

матуя, что съ наступленіемъ весны борьба

Наоборотъ, тотъ же синодъ и тотъ же со-

ихъ собраны въ мірѣ. Это былъ въ уменьшенномъ видѣ земной шаръ.

Впрочемъ, нѣтъ: есть разница. На одной землѣ, въ одной странѣ, въ одномъ городѣ,—живутъ вообще люди, всякіе, дурные и хорошіе, въ большинствѣ—средніе. А тысяча шестьсотъ съ лишнимъ американцевъ, которые жизнь и себя измѣнили—не всякіе, не средніе; они—преступники: воры, убійцы и мошенники. Каторжники. Это—обитатели старой каторжной тюрьмы (сингъ-сингской, въ Нью-Іоркскомъ штатѣ). Это они «сговорились», «согласились», превратились изъ звѣрей въ человѣковъ, очеловѣчили свою жизнь. Помогъ имъ «товарищъ», «Томъ Броунъ» (какъ они его съ нѣжностью зовутъ)—американецъ - человѣкъ Томасъ Моттъ Осборнъ.

Дѣятельный и независимый американскій гражданинъ, Осборнъ не сразу, однако, согласился принять тюрьму въ свое вѣдѣніе. Невозможной казалась предстоящая задача. Тюремныя правила были безчеловѣчны, преступники разбиты душевно и тѣлесно, обозлены и мстительны. «Мы были,—пишетъ одинъ заключенный,—оглушенными или сумасшедшими, больными звѣрями...» «Но вотъ пришелъ Осборнъ... Онъ полаирилъ намъ свое полное довѣріе...» «И мы новый свѣтъ увидѣли».

Организованное самоуправленіе произвело полный переворотъ. Осборнъ прямо началъ съ того, что собралъ въ тюрьмѣ митингъ, объяснилъ людямъ (еще звѣрямъ) свой планъ, предложилъ организоваться («сговориться между собою»), обѣщалъ свою «товарищескую» помощь. Слову не измѣнилъ, но и у преступниковъ оказалось такое же «честное» слово, и они тоже сумѣли ему не измѣнить.

Подробности «дѣла Осборна» разсказаны въ поразительной статьѣ Лазарева («Русск. Записки»). Я не передаю ихъ. Я лишь подчеркиваю суть. Подчеркиваю, что Осборнъ не обличалъ, не убѣждалъ преступниковъ. Ничего имъ не проповѣдывалъ. Онъ сдѣлалъ только одно: *оказалъ довѣріе*. Измѣнилъ условія жизни въ томъ смыслѣ, что сдѣлалъ фактически *возможнымъ* ихъ самостоятельный и свободный «сговоръ», «соглашеніе» между собою. И каторжная тюрьма, сборище преступниковъ, дикихъ, озлобленныхъ и все больше озлобляющихся звѣрей (надо знать, что тамъ творилось) стала понемногу похожей на вольную страну, съ честными самоуправленіемъ, гласными выборными судами, урегулированнымъ трудомъ, свободной печатью... и тѣмъ еще?—съ тюремнымъ общественнымъ мнѣніемъ, достойно-человѣческимъ.

Это сдѣлалъ не Осборнъ, это сдѣлали «преступники». Осборнъ — ихъ «товарищъ», случайно оказавшійся у дверей, которыя могъ отворить. Отворилъ, и люди вошли сами, потому что они люди... хотя и «преступники». Толстой звалъ къ «измѣненію», требовалъ, убѣждалъ, обличалъ... но никакихъ—ни путей, ни дверей,—даже не указывалъ. Больше: предостерегалъ отъ всякихъ (безполезно измѣнять «условія»). Осборнъ, внѣ чуда, по-человѣчески помогъ,—и ускорилъ естественную «перемѣну». Только ускорилъ,—но въ этомъ задача каждаго: понять, что онъ можетъ, въ его положеніи, сдѣлать для ускоренія—и сдѣлать. Всякій что-нибудь можетъ. Осборнъ исполнилъ свой долгъ.

Знаменательно, что не преступная и «свободная» Америка привлекла-таки Осборна къ суду. Еще и тамъ живы традиціи начала прошлаго вѣка, когда построена была сингъ-сингская тюрьма. Ее строили для «страданій заключенныхъ, такихъ страданій, чтобы они вызывали чувство ужаса». Передъ этимъ-то «домомъ мщенія», каменнымъ мѣшкомъ, и содрогнулся, было, Осборнъ. Онъ мечталъ сначала «разрушить ее и обвить остатки плющомъ. Пусть пріѣзжіе европейцы не говорятъ, что у насъ нѣтъ развалинъ средневѣковья». Не удалось,—Осборнъ принялъ и «каменный мѣшокъ». Побѣлилъ его, создалъ изъ него свободную страну внутренно свободныхъ людей. И... попалъ подъ судъ.

Но «преступники»,—и заключенные, и отбывшіе срокъ — спасли «товарища». Дѣйствовали въ великомъ единодушіи, въ сознаніи своей правоты и человѣческаго достоинства. Оставившіе тюрьму не забыли, не разлюбили своей «свободной страны» и «товарища» Осборна. Они собирали въ Нью-Іоркѣ многотысячные митинги, кричали, убѣждали, не жалѣли себя, разсказывали, чѣмъ были и что сдѣлали потомъ съ помощью Осборна. Въ тюрьмѣ тоже дѣйствовали. И такая сила была въ этомъ, прямо жертвенномъ, стояніи за правду, что правда побѣдила. Преступники, каторжники побѣдили «чистыхъ» людей, полноправныхъ гражданъ Америки.

Осборнъ былъ торжественно оправданъ, возвращенъ «товарищамъ». Онъ продолжаетъ свое дѣло.

Для насъ здѣшнихъ, сегодняшнихъ, все это, вся эта исторія, звучитъ странно—двояко. Или далека и огромно до безнадежности, какъ чудо, какъ «измѣнятся всѣмъ во мгновеньe ока» (свобода собраній, печати—въ тюрьмѣ, тысячные митинги бывшихъ каторжанъ—въ столицѣ!), или же мы смотримъ узко до плоскости: Осборнъ—начальникъ тюрьмы. Проведетъ реформы. Ну, чтожъ, добрый начальникъ,

и въ нашъ мѣ духъ

Н. М.

но какое это имѣетъ значеніе? Тѣмъ болѣе, что онъ за реформы. О тюремной реформѣ думаютъ многіе...

Но и этотъ поверхностный взглядъ,—и онъ отъ безнадежности. Я понимаю безнадежность. Ужъ очень мы устали. Заскорбнулись, сникнулись, глаза и руки опустили. Пророки наши—не помощники: великіе—и безпутные. Зовутъ выше, выше, подъ самое небо—и ни одинъ не оглянется, не догадается сказать или показать, что «свободу—вѣдь оно въ росѣ человѣческій...»

Не надо намъ сейчасъ пророковъ. Помощники нужны. И каждый можетъ, долженъ, стать помощникомъ каждому, всѣ—всѣмъ. Пусть мы не измѣнимся «во мгновеніе ока». Но мы *можемъ* измѣнить, можемъ измѣняться. Людямъ не только лестушно,—имъ естественно «соглашеніе», «сговоръ», творчество жизни и себя въ нови: но имъ нужно знать къ этому человѣческіе твердые пути.

Осборнъ знаетъ, преступники узнали, и пошли, и дѣлаютъ... Каменный мѣшокъ «средневѣковья» не помѣшалъ. Чѣмъ же мы, остальные, гдѣ бы мы ни находились, хуже преступниковъ? Левъ Толстой пасъ, звѣрей, звалъ стать богами. На такой зовъ мы отвѣтили недѣланіемъ, непонимающею стѣною отчаянья. Не могли иначе. Но людьми стать *можно*, а если можно, то и должно.

«Когда люди сговорятся...» да, не сговорятся-то они не раньше, чѣмъ узнаютъ то, что знаютъ Осборнъ и его воры и убійцы.

Да помогутъ намъ преступники синг-сингской тюрьмы!

З. ГИППІУСЪ.